

гурные): они применяются в различных изданиях по-разному. Три точки по большей части вводятся для обозначения недоконченного слова. Для пропуска куска текста с полными словами применяются три точки внутри скобок.

Но этих выработавшихся в практике обозначений, конечно, крайне недостаточно. Необходимо, чтобы представители всех гуманитарных специальностей создали комиссию по выработке единых условных текстологических обозначений, и результаты работы этой комиссии должны быть опубликованы в виде рекомендаций всем издателям памятников.

Некоторые организационные вопросы

Несколько соображений о выборе памятника для исследования и публикации. Прежде всего, конечно, текстолог должен сообразоваться с важностью данной темы. Важность эта может быть двоякого рода: памятник может вызывать интерес широкой публики и поэтому считаться «крупным», «значительным» и пр., но, с другой стороны, памятник может не представлять особого интереса для широкого читателя, однако он может быть важен для решения тех или иных теоретических или исторических вопросов (историко-литературных в широком смысле этого слова). Исследователь-текстолог должен учитывать обе эти стороны. Первая сторона ни в коем случае не должна подавлять вторую. Очень часто предпочтение отдается только первой, особенно со стороны неспециалистов. Исследователь должен иметь мужество отстаивать необходимость занятия такой темой, которая актуальна и значительна с точки зрения перспектив научного развития.

Далее. Текстолог должен сообразовываться при выборе памятника для исследования и публикации с собственными способностями и знаниями. От этого зависит успех исследования. Между тем очень часто бывает так, что ученый, обнаружив новый интересный список какого-либо произведения, берется за случайную для него тему. Текстолог, который много работает над рукописями, часто открывает интересное за пределами своих занятий, особенно если текстолог — работник рукописного хранилища. Вместо того чтобы сообщить об этом списке тому текстологу, который прямо занимается этим памятником, он приступает к работе над ним сам, соблазненный возможностью открытий, и в результате разбрасывается, теряет свой круг тем и в известной мере дезорганизует текстологическую работу.

*

Наука давно перестала быть индивидуальным делом ученого, его кабинетным занятием, а ученый — своеобразным отшельником. Наука коллективна. Это в значительной мере касается и текстологических исследований.

Текстолог тесными узами связан со своими товарищами по работе, с работниками рукописных хранилищ. Он получает от них сведения о рукописях, консультируется с ними по определению почерков и филиграней; совместно с работниками издательств он уточняет правила издания, правила передачи текста; он работает вместе со своим научным редактором. Иногда исследования и издания текста предпринимаются коллективно. Наконец, текстологу постоянно приходится иметь дело со своими предшественниками в той же области: теми, кто нашел его рукописи, публиковал и изучал их раньше, кто установил те или иные факты, оказывающие помощь ему в его работе.

Ученый — это общественник и в какой-то мере организатор, человек практический, привыкший к общению с людьми.

Организуя исследовательскую работу по той или иной теме, научный работник обязан быть очень точен и корректен в своих взаимоотношениях с товарищами.

Прежде всего о «сборных» текстологических исследованиях и изданиях, в которых работа механически разделена между многими участниками. К сборным формам выполнения текстологической работы надо прибегать возможно реже и только в случае крайней необходимости: например, если памятник велик, если сроки издания или исследования очень сжаты и одному исследователю их не выдержать и т. п. Дело в том, что во всякой текстологической работе есть свой «почерк» исследователя. Этот «почерк» должен быть выдержан по возможности единообразно. Единообразие необходимо потому, что в научной работе оценка результатов в значительной мере зависит от оценки методики, которой пользуется исследователь, от оценки приемов его работы, даже от манеры, в которой он излагает свои выводы. Мы по-разному будем доверять выводам, добытым в исследованиях А. А. Шахматова или В. М. Истрина, И. Тихомирова или И. Сенигова. Дело, конечно, не только в том, что перед нами ученые разных масштабов, а дело в том, что у каждого ученого есть свои слабые и сильные стороны, которые необходимо знать тем, кто пользуется результатами их трудов. Есть исследователи категоричные в своих выводах и осторожные, тщательные и неряшливые, одаренные научным воображением и стремящиеся оставаться всегда на почве факта, сильные в знании иностранных языков и пользующиеся данными об иностранных источниках на основе исследований их предшественников, знающие одну область лучше — другую хуже, сильные в критике и слабые в собственных построениях или наоборот и т. д. Для читателя, пользующегося научным трудом, крайне важно знать, кто этот труд написал, и иметь точные сведения об ученом: о его научных интересах, его эрудиции в той или иной области, о приемах научной работы и пр., и пр. Ясно, что если работа механически разделена между многими участниками, все эти стороны труднее воспринимаются, а отдельные выводы каждого исследователя могут соединяться в такого рода сборной работе только в самом общем виде.

Особенно сложно обстоит дело при издании текстов. При подготовке текста к печати невозможно решительно все предусмотреть «правилами из-

дания». Каждому исследователю свойственно делать свои ошибки, обусловленные степенью его осведомленности в отдельных фактах, связанных с содержанием издаваемого памятника, или обусловленные степенью его знания языка памятника. Невозможно строго оговорить все правила расстановки знаков препинания.

Одним словом, достигнуть полного единообразия в многолюдной подготовке памятника к печати еще труднее, чем достигнуть единообразия в исследовательской текстологической работе, распределенной между многими участниками.

От выводов исследования, как мы уже сказали, зависят в значительной мере и приемы издания. Весьма важно поэтому, чтобы исследователь истории текста сам же и издавал изученный им текст.

К сожалению, в очень многих случаях научные учреждения мельчат научную работу и без особой нужды прибегают к сборным формам работы над текстом. Объясняется это желанием поскорее закончить работу, а с другой стороны — стремлением освободить от «черновой работы» маститых ученых.

Важен вопрос и о том, чье имя должно стоять на титуле издания текста. Имя текстолога, подготовившего древний текст к изданию, по существу равняется имени исследователя, и оно несомненно должно быть известно тому, кто этим изданием пользуется. В настоящее время очень часто работники, непосредственно подготовляющие текст к изданию, не упоминаются на титуле издания; упоминаются лишь редактор или составитель.

Если уж никак нельзя поместить на титуле всех работников, подготовивших текст к изданию, то работа их должна быть четко обозначена в оглавлении.

Вопрос о том, где обозначить имя авторов, исследователей, непосредственных создателей труда или подготовителей текста к печати, — вопрос очень важный, так как в библиографические сведения входят только данные титульного листа, а это значит, что все издание становится известным в научной литературе только под тем именем, которое обозначено на титуле.

Чем чаще обращается текстолог за консультациями к специалистам (палеографам, археографам, искусствоведам, историкам, специалистам в том или ином вопросе), тем это, конечно, лучше, тем весомее и достовернее результаты работы, тем к более широкому кругу проблем приобщается исследование, а это, в свою очередь, позволяет делать более широкие выводы. В иных случаях текстолог может выступать даже не столько исследователем, сколько организатором исследования, заинтересовывая своей темой возможно более широкие круги ученых и получая от них сведения и предложения.

Встает вопрос: в какой мере необходимо отмечать в издании всех этих консультантов? Вне всякого сомнения, источники всех сведений, полученных в порядке товарищеской помощи, должны быть тщательно отмечены. Это необходимо не только из этических соображений, но и из чисто научных. Крайне важно, например, знать — кто дает определение времени почерка, орнамента, миниатюры, кто сообщил исследователю исторические данные, кто указал шифры рукописи. Устные источники сведений указывать важнее, чем письменные. Последние так или иначе могут быть установлены, даже если они не указаны в издании, первые же — почти невозможно установить.

Сообщая о том, кто были консультантами автора в тех или иных вопросах, автор тем самым не только отдает должное работе этих консультантов (а доля их участия может быть очень велика — особенно со стороны работников рукописных хранилищ), но осведомляет читателя о круге специалистов, позволяет читателю судить до известной степени и о достоверности сообщаемых сведений. В тех случаях, когда исследование не пришло к окончательному результату (а таких случаев немало), всегда необходимо сообщать читателю, как получен тот или иной предварительный вывод, путем каких умозаключений, данных, консультаций автор пришел к своему выводу.